

8P1(092)
В-81

ISSN 0236-2481

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

В Р Е М Е Н Н И К
П У Ш К И Н С К О Й
К О М И С С И И

Выпуск 24

8P1(092)
B-81

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 24

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

2-209815

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»

Ленинградское отделение

1991

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

3. Освящение церкви почетным лицом Кишиневской духовной консистории — сентябрь 1852 г. (к 30-летию пребывания поэта в этих местах).³²

Долнинские здания, построенные Иваном, являются единственными строениями из камня в более чем 12 имениях семейства Ралли. «Ванька» в отличие от его родителей, братьев и сестер погребен в 1858 г. в построенной им церкви, а его дети — в ограде последней.

Приведенные сведения создают привлекательный образ Ивана Ралли: высокая культурная эрудиция и образованность, храбрость и воинская доблесть, активная общественная деятельность в Бессарабии, — все это свидетельствует в пользу «порядочного молодого человека», с которым был близок Пушкин и с которым он мог совершить совместную поездку в Долну и Юрчены. В память о дружбе Ралли с великим поэтом, вероятно, и построена каменная церковь в Долне.

Итак, пересматривая свои воспоминания почти в 80-летнем возрасте (спустя около 60 лет с момента беседы с тетушкой Е. З. Стамо-Матиае), З. К. Ралли-Арбуре стремился, вероятно, воздать должное родной Бессарабии, где прошли годы его детства, и России, с которой была связана бурная молодость.

В 1869 г. в Бессарабии, куда был выслан молодой Замфир, он и услышал рассказ своей 70-летней тетушки о событиях 50-летней давности. Из воспоминаний видно, что автор рукописи был мало знаком с историей своего рода, а написанное им, по его собственным словам, являлось плодом и «скелетом всего услышанного и за давностью лет во многом позабытого». Для полноты воспоминаний автор дополняет их сведениями из опубликованных источников — дневников и воспоминаний И. П. Липранди, А. Ф. Вельтмана, В. П. Горчакова, Ф. Н. Лугинина и других знакомых русского поэта по Кишиневу.

Разрыв во времени, отсутствие семейных источников и объясняют наличие в воспоминаниях З. К. Ралли-Арбуре неточностей. Найденные нами местные и архивные материалы исправляют невольные допущенные ошибки. Ценность этих воспоминаний состоит в том, что они раскрывают нам одну из страниц в жизни Пушкина, — связанную с молдавским окружением поэта.

Вас. Молкосян

СЕНТЯБРЬ 1833: А. С. Пушкин и В. И. Даль

Как известно, предприняв в 1833 г. поездку в Оренбург, Пушкин на протяжении всего своего пути по землям Поволжья вел запись сведений о Пугачеве.¹ Но согласно справедливому замечанию Н. В. Измайлова, «особенно настойчиво и тщательно стал он это делать тогда, когда 16 сентября въехал в пределы Оренбург-

³² Приведенные данные записаны на обороте плана церкви. Два письма и план-проект церкви хранятся в филиале музея А. С. Пушкина в с. Пушкино (Молдова).

¹ Во время своего путешествия Пушкин неоднократно получал квалифицированную помощь на местах. В Казани, например, он пользовался поддержкой Е. А. Баратынского (см.: К о м а р о в и ч В. Л. Записи устных рассказов о пугачевщине // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.: Л., 1939. Т. 4—5. С. 19) и К. Ф. Фукса (см.: Ф у к с А. А. А. С. Пушкин в Казани // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 256).

ского края».² Здесь же приводится ориентировочная справка о передвижении поэта: в Оренбург он прибыл 18 сентября, 20 сентября выехал из Оренбурга в Уральск, а 23 сентября отбыл из Уральска в Болдино.

Думается, что именно благодаря целенаправленной помощи Даля, который служил чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе Перовском и имел богатый опыт по сбору фольклора, Пушкин смог в столь короткий срок (по сути дела проездом) услышать чрезвычайно ценные свидетельства о вожде крестьянского восстания. Между тем характер и объем оказанной помощи получил разноречивую трактовку в исследовательской литературе. Например, открытым до сих пор остается важный вопрос о том, сопровождал ли Даль Пушкина в Уральск. Ввиду многоаспектности этого вопроса представляется целесообразным начать настоящую статью с некоторых предварительных замечаний.

Недавно назначенный военным губернатором Перовский³ едва ли отпустил бы Пушкина, путешествующего к тому же с «высочайшего его императорского величества соизволения»,⁴ одного без сопровождения в Уральск. Ведь буквально накануне в расположенной рядом с Оренбургом Бердской слободе за то, что поэт, «вошедши в комнату, не снял шляпы и не перекрестился на иконы и имел большие ногти»,⁵ а также расспрашивал старожилов о Пугачеве (по их словам, «подбивал под пугачевщину»⁶), они прозвали Пушкина «антихристом» и донесли на него.

Тем не менее, надо полагать, Перовский специально предупреждал о предстоящем пушкинском визите⁷ начальника станицы Гребенщикова, который уже с вечера собирал «стариков и старух, помнящих Пугачева».⁸ Причем поэт наведался сюда вместе с хорошо известным в округе директором Неплюевского военного училища К. Д. Артюховым⁹ и Далем, которого, впрочем, местные жители знали еще недостаточно ввиду его недавнего определения на службу и длительного пребывания в дальней командировке (об этой командировке см. ниже). Видимо, пугачевская тема и через 60 лет после восстания была по-прежнему острой для уральских казаков.¹⁰

² Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 273.

³ Из Петербурга Перовский выехал 20 мая (см.: Северная пчела. 1833, 25 мая. № 114. С. 454) и прибыл в Оренбург 8 июня (см.: Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1913. Вып. XXVII. С. 24). Здесь же Н. Н. Модестов сообщает о приезде Даля в Оренбург около 29 июля.

⁴ См. об этом: Овчинников Р. В. Встреча в Оренбурге // Рифей. Челябинск, 1981. С. 8.

⁵ Воспоминания купца Н. А. Кайдалова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. VI. С. 215.

⁶ Д а л ь В. И. Воспоминания о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 261.

⁷ Догадка о приезде с Пушкиным Перовского (см.: С л а в я н с к и й Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980. С. 55) беспочвенна, ибо тогда начисто исключалась бы самая возможность доноса в Оренбург.

⁸ Воспоминания купца Н. А. Кайдалова. С. 214.

⁹ И. А. Бунтова, рассказывая Е. З. Ворониной через два месяца о своем разговоре с Пушкиным, заметила: «Да тут же с ним был и приятель наш, полковник Артюков; уж он бы не захотел ввести нас в беду» (Письма из Оренбурга 1833 года // Русский архив. 1902. № 8. С. 660. — Ср. данную здесь же, на с. 648 характеристику Артюхова).

¹⁰ См.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. С. 282—283.

Дополнительно обстановка была накалена тем, что в Оренбуржье в 1832 г. «был полный неурожай и в зиму 1832—1833 страшный голод»,¹¹ а в 1833 г. — засуха.¹² То и дело вспыхивали очаги холеры. Например, в Уральске, куда направлялся поэт, «холера появилась с 31 августа, окончилась 14 сентября: заболело 20 ч(еловек), умерло 13».¹³ Все это, а также строительство православных церквей вызывало волнения среди казачества.¹⁴

Даль пишет о приготовлениях перед поездкой в «бывшую столицу Пугачева» Берды: «Я взял с собою ружье, и с нами было еще человека два охотников. Пора была рабочая, казаков ни души не было дома». Думается, время для посещения выбиралось специально. Под охотниками здесь подразумеваются добровольцы,¹⁵ ведь ниже сообщений об охоте нет вообще. Понимая, какую реакцию вызовет внешний вид и независимое поведение поэта, его интерес к Пугачеву, Даль на всякий случай принял меры предосторожности.

Бесспорно, Перовскому для сопровождения Пушкина в Уральск нужен был абсолютно надежный чиновник, разбирающийся в местных обычаях, способный помочь поэту в его работе, а при необходимости противодействовать холере.¹⁶ У Перовского на новом месте был, естественно, не слишком большой выбор,¹⁷ и кандидатура Даля напрашивалась сама собой. Напомним, что Даль являлся доверенным лицом Перовского.¹⁸

Служивший тогда в Оренбурге К. А. Бух вспоминал: «Когда в сентябре 1833 года приехал Пушкин (<...>), Даль ездил провозжать его по станциям Уральского и Оренбургского казачьих войск».¹⁹ Этот факт надолго сохранился в памяти местных жителей, о чем свидетельствовал П. Л. Юдин: «Старожилы даже уверяют, что, по поручению Перовского, Даль сопровождал поэта в его поездке по станциям и крепостям (до Уральска) и указывал ему места Пугачевских становищ и погромов».²⁰ П. В. Анненков, опираясь несомненно на рассказ Даля, передавшего ему свои «Воспоминания о Пушкине», писал: «Там (в Оренбурге, — Ю. Ф.) останавливался он (Пушкин, — Ю. Ф.), как мы слышали, в доме самого генерал-губерна-

¹¹ Попов А. В. Холера 1829—33 годов в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1910. Вып. XXI. С. 274.

¹² О грозящем Оренбуржье неурожае см.: Северная пчела. 1833, 24 июня. № 140. С. 557; 19 августа. № 186. С. 741.

¹³ Попов А. В. Холера 1829—33 годов в Оренбургском крае. С. 275.

¹⁴ См.: Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 27.

¹⁵ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 2. С. 774.

¹⁶ Будучи врачом, Даль имел богатый опыт борьбы с холерой (см.: Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 17).

¹⁷ В письме от 30 мая 1838 г. Даль писал В. А. Жуковскому из Оренбурга: «... бедный Василий Алексеевич, с тех пор что он в Оренбурге, не один *десяток ночей* просидел до белого света и делал *сам* то, чем в хорошо устроенном дежурстве едва ли займется дежурный штаб-офицер. . .» (ИРЛИ, ф. 28.028, л. 2—2 об.). Слова, выделенные курсивом, подчеркнуты в автографе.

¹⁸ Об этом см.: Б < а р т е н е в > П. В. И. Даль // Русский архив. 1872. № 10. С. 2027—2028; Мельников П. И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. 1873. № 3. С. 309—310; Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 23—24.

¹⁹ Бух К. А. О знакомстве с А. С. Пушкиным // Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. М., 1938. Вып. 1. С. 8—9.

²⁰ Юдин П. Л. Памяти А. С. Пушкина. 1. Некоторые подробности о его пребывании в Оренбурге // Русский архив. 1899. № 5. С. 138.

тора и вместе с В. И. Далем объехал Оренбургскую линию крепостей...»²¹ (курсив мой, — Ю. Ф.).

Л. Н. Майков также полагал, что Даль «неразлучно провел с Пушкиным» пять дней — с 18 по 23 сентября.²² Более того, напечатанные по его инициативе (об этом сообщалось в предисловии к публикации) письма Е. З. Ворониной позволяют говорить об отсутствии Даля в Оренбурге вплоть до последних чисел сентября.

Действительно, сообщение о присутствии Даля содержится лишь в четвертом письме — от 2 октября. До этого в трех довольно-таки пространных и «густонаселенных» письмах, в которых отсчет оренбургского времени начинается с двух часов пополудни 20 сентября,²³ ничего не говорится о встрече с Далем. Это тем более бросается в глаза, что Даль нет и в окружении Перовского, постоянно общающегося с Шелашниковыми (Е. З. Воронина проживала вместе с семьей камергера и откупщика П. И. Шелашникова). К тому же 27 сентября жена Даля наносит визит к приезжим, а о самом Дале, вероятно, со слов его жены, корреспондентка уведомляет: «Муж ее литератор; это он пишет под именем Казака Луганского. Он служит у Перовского, женат не более двух месяцев».²⁴ Таким образом, отличавшаяся любопытством Е. З. Воронина только через неделю своего пребывания в Оренбурге услышала о Казаке Луганском. Визит жены Даля без мужа к незнакомым людям также следует воспринять как нечто исключительное. После 2 октября имена молодоженов упоминаются только рядом.

В письме от 2 октября читаем о том, что Даль с женой гостили у Шелашниковых. Причем Даль, несмотря на первоначальную замкнутость, оказался приятным собеседником.

В пятом письме, от 8 октября, говорится о совместном приезде Перовского и Даля на обед, о визите Шелашниковых к Далю (чего до 2 октября не было). Здесь же сказано о том, что вечером Перовский гостил у Шелашниковых «с Далем и его женой». Правда, «Перовский уехал ранее всех», но Даль был душой общества: мастерски читал свои «прекрасно написанные в самых народных русских выражениях» сказки, пел в составе трио, куда входила и его жена, русские песни.

В девятом письме, от 20 ноября, рассказывая о музыкальном вечере, корреспондентка опять высоко оценивает исполнение русских песен упомянутым выше трио и передает рассказ жены Даля о пребывании в их доме Пушкина.²⁵

Безусловно, Е. З. Воронина описывает прежде всего события, в том или ином отношении ее заинтересовавшие. И конечно, таким событием в провинциальной глуши было знакомство с уже довольно известным писателем, приятелем Пушкина. Активное участие супругов Далей в светской и музыкальной жизни Оренбурга в начале октября вызвано, на наш взгляд, естественным желанием молодоженов побыть в обществе, развлечься после очередной многодневной разлуки.

²¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855. С. 372. — То же самое, используя семейные предания, утверждает племянник поэта Л. Н. Павлищев (см.: Исторический вестник. 1888. № 10. С. 42).

²² Майков Л. 1) Пушкин и Даль // Русский вестник. 1890. № 10. С. 15; 2) Пушкин. СПб., 1899. С. 426.

²³ Корреспондентка сообщает: «Пушкина мы уже не застали здесь: он уехал накануне нашего приезда» (Письма из Оренбурга 1833 года. С. 647).

²⁴ Там же. С. 648. — Не свидетельствует ли употребленная формулировка («это он пишет под именем Казака Луганского») о знакомстве корреспондентки с творчеством Даля?

²⁵ Там же. С. 652, 653, 658.

Появление Даля в Оренбурге в самом конце сентября свидетельствует о том, что он сопровождал Пушкина не только в Уральск, но и дальше, до границ Оренбургского края. Кстати, Пушкин прибыл в Болдино примерно в то же время — 1 октября. Путь от Уральска до имения Языковых, расположенного в 65 верстах от Симбирска, поэт проделал с 23 по 29 сентября (для сравнения, более значительное расстояние между Симбирском и Оренбургом он преодолел за период с 15 по 18 сентября).²⁶ Даже с учетом непогоды, о которой упоминает Пушкин в письме от 2 октября,²⁷ разница в скорости передвижения представляется слишком заметной.

В XIX в. вопрос о совместной поездке Пушкина и Даля в Уральск решался утвердительно. Ввиду общепринятости этой точки зрения дополнительная ее аргументация не требовалась.

Однако в 1916 г. прозвучало мнение о том, что П. В. Анненков неверно понял слова Даля о совместной поездке и «спутал Оренбург с Оренбургской губернией», а сам Даль в своих воспоминаниях о Пушкине «если не прямо, то косвенно приписывает себе более значительную роль».²⁸ Относительно первого заметим: в случае искажения смысла Даль, как он это неоднократно делал,²⁹ несомненно поправил бы П. В. Анненкова. Во-вторых, Даль «не искал покровительства Пушкина» — «Пушкин проявлялся в беседах с ним самыми существенными чертами своей личности».³⁰

На основании рапорта Даля Перовскому, датированного 21 сентября 1833 г., Д. Н. Соколов делает категорическое заключение о присутствии Даля в Оренбурге в то время, «когда поэт был уже на полдороге к Уральску».³¹ Кстати, первый публикатор рапорта отнюдь не считал, будто Даль лично должен был передать рапорт в канцелярию в указанный день, и не ставил под сомнение совместную поездку Пушкина и Даля в Уральск.³² В настоящее время бытуют и точка зрения

²⁶ См.: Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. С. 52, 54, 69. — Пушкин отправился из Уральска в Болдино не через Саратов и Пензу, как предполагал ранее, а по Самаро-Сызранской дороге, что значительно сокращало путь (см.: Белый А. И. «...завтра еду к ящичкам казакам...» // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 135—136).

²⁷ «При выезде моем (23 сентября) вечером пошел дождь, первый по моему выезде (...) и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях» (XV, 83). Ср. с письмом Е. З. Ворониной от 27 сентября: «Утро. Я проснулась (...) и мне бросилась в глаза кровля, покрытая снегом. Как ясно, светло! А было очень ненастно несколько дней сряду. Вчера еще шел весь день проливной дождь». Но, описывая свою поездку на меновой двор 25 сентября, она не упоминает о ненастье (Письма из Оренбурга 1833 года. С. 647). Как видим, полностью непригодным для длительного передвижения был только один день: 26 сентября. Не начал ли Пушкин свой путь из Оренбуржья к Симбирску 25 сентября?

²⁸ Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге // Пушкин и его современники. Пг., 1916. Вып. XXIII—XXIV. С. 87, 69.

²⁹ См., например: Даль В. И. 1) Приписка к письму А. И. Кошелеву, по поводу возражений на него // Отечественные записки. 1857. № 2, отд. II. С. 134; 2) Заметка о грамотности // Санкт-Петербургские ведомости. 1857, 10 ноября. № 245. С. 1269.

³⁰ Майков Л. Пушкин и Даль. С. 3, 5.

³¹ Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге. С. 86.

³² См.: Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 28—29, 31.

П. В. Анненкова,³³ и точка зрения Д. Н. Соколова.³⁴

Исследователи почему-то решили, что Даль находился в командировке с 17 августа чуть ли не до приезда Пушкина 18 сентября и что оба они въехали в Оренбург едва ли не одновременно.³⁵ Действительно, нам известно предписание Перовского Далу, датированное 17 августа 1833 г.: «... предлагаю вам по поводу отбытия моего на линию отправиться на первый раз в землю уральских казаков, где имеете по соображениям личного моего с вами объяснения обратить внимание на все относящееся до земли сей и ее управления, а особенно в отношении тех обстоятельств, на кои я уже имел случай обратить внимание ваше».³⁶

Как видим, наспех написанное предписание³⁷ лишено конкретизации. Между тем Даль и не мог выехать 17 августа ввиду намеченного на 22 августа (день коронавания Николая I) благотворительного концерта оренбургских любителей музыки в пользу погоревших в Илецкой Защите. Но в последний момент «по случаю простуды первого виолончеля» концерт был отложен.³⁸

Таким образом, становится понятным, почему Даль оказался в Уральске 22 августа.³⁹ Об этом сохранилась и помета в его записной книжке. В конце помещенной здесь «Записки о Башкирских землях...» читаем: «Для составления записки об отдаче некоторых участков земли Уральцам отправился 21-го, а прибыл 22-го авг(уста) в день коронавания Никол(ая) в Уральск».⁴⁰

После этого на л. 20—23 помещены почерпнутые в Уральске сведения под названием «К записке об Уральском Войске». В самом конце этого материала, на л. 23, содержится набросок, озаглавленный «Письмо Н. И. Гречу, из Уральска, 1833 августа 25-го»: «Уехав из Петербурга и не простившись с Вами, имел я намерение писать к Вам с берегов Урала — день за день, и вот уже прошло ровню *десять* (надписано над перечеркнутым словом *шесть*; курсив мой, — Ю. Ф.) недель со дня отбытия моего из столицы. Ныне судьба меня привезла на карандасе в Уральск; здесь столько своеродного и любопытного, что невольно позывает к перу — может быть Вы кой-что напечатаете из письма моего.

³³ См., например: Порудоминский В. И. Даль. М., 1971. С. 155; Бессараб М. Я. Владимир Даль. М., 1972. С. 91; Шубин Б. М. Дополнение к портретам. М., 1985. С. 86.

³⁴ См., например: Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. С. 63; Попов С. А. Дороги сентября // Рифей. Челябинск, 1981. С. 51; Рахимкулов М. Г. Встречи с Башкирией. Уфа, 1982. С. 28.

³⁵ См., например: Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге. С. 69; Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. С. 54; Рахимкулов М. Г. Встречи с Башкирией. С. 16.

³⁶ Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 26.

³⁷ Только спешкой, на наш взгляд, можно объяснить двойное употребление словосочетания «обратить внимание» и двойное упоминание о приватной беседе, неуместное с точки зрения стиля и смысла в одном предложении. Отмеченная небрежность тем более удивительна, что Даль «не имел определенного круга обязанностей» и его служебная деятельность регламентировалась именно этим предписанием (Попов П. Е. Документальные материалы Государственного архива Оренбургской области о деятельности В. И. Даля в Оренбургском крае // Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 290).

³⁸ Луганский В. Письмо к издателю из Оренбурга // Северная пчела. 1834, 9 января. № 6. С. 23—24.

³⁹ См.: Луганский В. Письмо к Гречу из Уральска (Окончание) // Северная пчела. 1833, 12 октября. № 231. С. 924.

⁴⁰ ГБЛ, ф. 473, карт. 1, ед. хр. 2, л. 19 об. — В этой записной книжке Даля листы пронумерованы с 1 по 135, а затем в обратном порядке с 1 по 44. Здесь и ниже указываются листы по нумерации, идущей от конца записной книжки.

По рассказам Уральцев предки их. . .».

Заглавие с датой, исправление числительного *шесть* на *десять*, окончание наброска (примерно со слов «что невольню») явно позднейшего происхождения; это видно по цвету чернил. Последнее неоконченное предложение, вероятно, писалось во время движения, о чем свидетельствует неровность, сбивчивость строки и букв.

На обороте л. 23 слева нарисована от руки схема земель Уральского войска, а справа на этом же листе и сверху на л. 24 помещены пояснения к этой схеме. Ниже на л. 24 вновь возникает густо испещренное поправками «Письмо к Гречу, из Уральска (отправлено сентября 25. Оренбург)». Здесь читаем: «Уехав из Питера и не простившись даже с Вами, хотел я писать Вам по прибытии в Оренбург — день за день, и вот уже прошло ровно 12 (цифра надписана над перечеркнутым словом *десять*, — Ю. Ф.) недель⁴¹ со дня отбытия моего из столицы. Ныне судьба привезла меня на карандасе в Уральск. . .».

Указание на дату отправления в скобках, исправление слова *десять* на 12, окончание статьи на л. 28—28 об. (начиная со слов «происходило, чин чином») и вся позднейшая редактura осуществлены чернилами одного цвета. Вновь созданный текст в целом соответствует опубликованному в «Северной пчеле».

Учет расположения материалов и вносимых в них изменений в записной книжке Даля позволяют уточнить хронологию его командировки. Если 12-недельный срок отъезда Даля из Петербурга приходился на 25 сентября,⁴² то 10-недельный — на 11 сентября, а 6-недельный — на 14 августа.

Итак, первоначальный замысел статьи возникает около 14 августа и ориентация на это число сохраняется в наброске, начатом в Уральске, куда Даль прибыл 22 августа. Необходимость осмотра земель заставляет отложить работу. На обратном пути Даль пытается дописать набросок (со слов «что невольню»), изменяет временную привязку («десять недель»), в связи с окончательным оформлением замысла проставляет название, а также дату начала работы — 25 августа.⁴³

Написать «Письмо к Гречу» полностью (с сохранением указания на десять недель) Даль смог только по возвращении в Оренбург, около 11 сентября, предварительно набросав схему осмотренных земель с пояснениями.

При встрече с приехавшим 18 сентября Пушкиным Даль показывает ему свою статью и под влиянием бесед с ним производит окончательную правку, проставляет новый срок — 12 недель.

У Даля, например, первоначально было: «На Урале безчинствовал Емеля Пугачев; яицкие казаки дрались с ним, он осаждал самый Оренбург, поставив пушку на колокольню солдатской слободки, — на Урале искала убежища Мария Мнишек».⁴⁴ После исправления: «На Урале явился Стенька Разин, искала убежища Мария Мнишек, безчинствовал Емеля Пугачев; нынешние казаки. . .». Не желая предвирать исторический труд поэта, и безусловно по его просьбе Даль убирает

⁴¹ В газете напечатано: «. . . прошло двенадцать недель» (Луганский В. Письмо к Гречу из Уральска // Северная пчела. 1833, 11 октября. № 230. С. 920).

⁴² Следовательно, из Петербурга Даль выехал 3 июля. Эта же дата приведена в кн.: Бессараб М. Я. Владимир Даль. С. 82.

⁴³ Только после сбора материалов, озаглавленных «К записке об Уральском Войске», на что ушло не менее двух-трех дней, Даль обратился к созданию наброска. Но так как работа над ним была сразу же прервана, то вероятнее всего Даль выехал из Уральска для осмотра земель тогда же, 25 августа.

⁴⁴ ГБЛ, ф. 473, карт. 1, ед. хр. 2, л. 25.

факты, использованные в «Истории Пугачева»: об осаде восставшими Яицка и обстреле Оренбурга с колокольни. Причем для отражения последнего эпизода (IX, 26) единственным источником послужил именно рассказ Даля.⁴⁵

Но продолжим цитирование: «...нынешние казаки живя в спокойствии и довольствии представляют проезжему приятную картину порядка, опрятности, достатка, хлебосољства и внимательности к проезжему и какой-то всеобщей служебной учтивости и почтения, которая в сравнении с неповоротливою обходительностью русских мужичков приятно изумляет путешественника. Со вступления в Уральскую землю вы можете завязать и запечатать кошелек: никто и отнюдь никогда не попросит на водку, никто не возьмет платы за съестные припасы, вам радушно предлагаемые».

Пассаж о проезде путешественнике начисто отсутствует в первоначальной редакции. Можно утверждать, что речь здесь идет именно о Пушкине, которому ввиду его материальных затруднений⁴⁶ были возмещены дорожные расходы.

Вернувшись из командировки, Даль подал на имя Перовского рапорт: «Объехав по предписанию Вашего превосходительства земли войска Уральского и имея уже честь отдать Вам лично отчет о сей поездке, осмеливаюсь просить покорнейше, дабы следующие мне казенные прогонные деньги за проезд от Оренбурга через Уральск <...> в Оренбург, всего за две тысячи и пятьдесят верст, на три лошади, то есть: триста семь рублей и пятьдесят копеек — повелено было от коих сих денег мне выдать».⁴⁷ На рапорте обозначено: «21 сентября 1833, Оренбург».

Легко обнаружить, что приведенный рапорт своей многозначительной ссылкой на приватную беседу удивительно напоминает предписание Перовского от 17 августа. Обращают на себя внимание и совпадения другого рода. Если верить предписанию, Даль отбыл в командировку 17 августа, т. е. в день отъезда Пушкина из Петербурга.⁴⁸ В рапорте указано 2050 верст, а расстояние от Петербурга до Оренбурга официально равнялось 2068 верстам.⁴⁹ Даль говорит о плате за три лошади; Пушкину как титулярному советнику полагалось также три лошади.⁵⁰ Оставляя в стороне вопрос о преодолении Далем всех указанных им верст,⁵¹ заметим, что сумма 307 рублей 50 копеек примерно соответствовала официальным командировочным расходам титулярного советника от Петербурга до Оренбурга. Затраты на дополнительных лошадей⁵² вполне компенсировались безусловно бесплатным для Пушкина проездом в Уральск.

⁴⁵ Об этом см.: Овчинников Р. В. Встреча в Оренбурге. С. 15.

⁴⁶ Об этом см.: Никитин А. Г. Пушкин и Урал. Пермь, 1984. С. 132; Ободовская И., Деметьев М. Вокруг Пушкина. М., 1978. С. 83—86, 121—122, 269—270, 278. — Поэт располагал настолько скромной суммой для путешествия, что испытывал недостаток прогонов «на лишние 500 верст» (XV, 86).

⁴⁷ Белый А. Рапорт Даля // Простор. 1980. № 3. С. 138.

⁴⁸ См.: Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 35, 133.

⁴⁹ См.: Почтовый дорожник. СПб., 1829. С. 16—17.

⁵⁰ Там же. С. 439.

⁵¹ Выше нами отмечалось, что Перовский добирался от Петербурга до Оренбурга 19 дней. То же расстояние сенатский курьер Григорий Максимов в августе—сентябре 1774 г. преодолел за две недели, столько же времени затратив и на обратный путь (см.: ЦГИА, ф. 468, оп. 32, дело № 2, л. 512). Даль выехал из Уральска 25 августа и преодолел меньшее расстояние за 15—16 дней. При передвижении он несомненно срезал углы. Предложенный в рапорте подсчет верст не подлежал проверке и носил во многом условный характер.

⁵² См.: Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 361—362.

Будучи коротко знакомым с Перовским, поэт начинает активно добиваться разрешения на поездку сразу после его назначения оренбургским военным губернатором.⁵³ Бесконтрольно распоряжаясь крупными денежными суммами и щедро раздаривая их,⁵⁴ вынашивая честолюбивые замыслы,⁵⁵ Перовский был кровно заинтересован в написании «Истории Пугачева», ибо это укрупняло значение Оренбургского края и соответственно поста военного губернатора. Поэтому моральное и материальное поощрение Пушкина со стороны Перовского представляется более чем естественным.

По свидетельству всех мемуаристов, за услышанные рассказы Пушкин расплачивался в Оренбуржье наличными. Как сообщает Н. А. Кайдалов (со слов Гребенщикова), старики и старухи в Берде «не хотели принять от него деньги (которые были светленькие и новенькие), называя их антихристовыми и думая, что они фальшивые», т. е. речь идет о деньгах, не бывших еще в употреблении, как будто выданных тут же из казны.

Нам неизвестно, оплачивал ли Пушкин получаемые сведения где-либо еще на своем пути, но по приезде в Оренбург он сделал это на другой день. По всей видимости, сумма, им розданная, была отнюдь не копеечной. Так, Н. Иванов, опираясь на воспоминания очевидцев, утверждает: «За песни молодые казаки и за рассказы — старики и старухи были награждаемы Пушкиным по „царски“: за каждую песню или отдельный эпизод он платил червонец, иных угощал вином, сажая с собой за стол».⁵⁶ В доносе жителей Бердской слободы на поэта, приводимом Н. Ивановым и Далем, говорится: «... дарил золотом».

Следовательно, сумма, обозначенная в рапорте Далия, была выплачена Пушкину золотом.⁵⁷ Червонец равнялся примерно трем рублям в переводе на серебро, рубль серебром приравнивался к трем с половиной рублям ассигнациями.⁵⁸ Не случайно при подсчете стоимости издания «История пугачевского бунта» Пушкин не учитывает «деньги, потраченные на поездку по „пугачевским местам“».⁵⁹ Ведь если дорожные расходы возмещались ему в оба конца, то и незачем было на них указывать.

Из сказанного ясно также, почему Пушкин умалчивает о встрече с Далем, а Даль в «Воспоминаниях о Пушкине» говорит только об *одной* совместной поездке в Берды и только об *одном* червонце («Пушкин дал ей на прощание червонец»; «червонец наделал большую суматоху»; «привезли и старуху, и роковой червонец»).

21 декабря 1833 г. Перовский распорядился выдать Далию из экстраординарной суммы 1000 рублей ассигнациями за деньги, употребленные им «на разные пред-

⁵³ См.: Никитин А. Г. Пушкин и Урал. С. 139—143.

⁵⁴ См.: Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. XVIII. С. 83—87.

⁵⁵ См.: Юдин П. Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. 1896. № 5. С. 411—423; № 6. С. 521, 530.

⁵⁶ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VI. С. 229.

⁵⁷ Курс ассигнаций, введенных в 1769 г. Екатериной II, несмотря на все усилия царского правительства, неудержимо падал вплоть до их девальвации в 1839 г. (см.: Настольный энциклопедический словарь Гранат. М., 1901. Т. 5. С. 2391—2392; Зварич В. В. Нумизматический словарь. Львов, 1976. С. 19).

⁵⁸ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 4. С. 175—176, 590; 1978. Т. 1. С. 26.

⁵⁹ Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 368.

меты по делам службы». ⁶⁰ Что это за «предметы», из документа не видно. Не менее характерна и стоящая на нем надпись: «Уничтожить». ⁶¹ Почему документ сохранился, трудно сказать, но почему его следовало уничтожить, совершенно очевидно: деньги предназначались Далю в качестве компенсации. Кстати, 1000 рублей ассигнациями в переводе на серебро равнялись примерно сумме, указанной Далем в рапорте.

Дата на рапорте Даля — 21 сентября — вообще снимала вопрос о какой-либо передаче денег или совместной поездке в Уральск. Созданию камуфляжа способствовало и вышеупомянутое предписание Перовского от 17 августа, дополнительно суживающее возможность контактов между Пушкиным и Далем. Нельзя забывать и о том, что Пушкин и Даль находились в поле зрения III Отделения. Так, вышедшие в 1832 г. сказки Даля были запрещены, а их автор арестован. Через месяц после отъезда Пушкина Перовский получил бумагу об установлении за ним полицейского надзора. Поэтому с большой осторожностью следует относиться к ответу Перовского, удостоверяющего лояльность поэта и утверждающего, будто Пушкин «останавливался» в его доме. ⁶² Сам Даль называл местом жительства Пушкина в Оренбурге свой дом. ⁶³

В писарской копии «Воспоминаний о Пушкине» с пометами Даля, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, прямо сказано, что Даль перевез поэта от Перовского «к себе». ⁶⁴ Впрочем, иначе и быть не могло, ведь Пушкин черпал интересующую его информацию в основном из бесед с Далем. Однако и сейчас вопреки возникающей смысловой неловкости печатают: «...на другой день перевез я его оттуда». ⁶⁵ Спрашивается, куда? Ответа на этот вопрос нет и в комментариях. Не пора ли восстановить подлинный текст воспоминаний Даля?

Выше говорилось о том, что «Письмо к Гречу из Уральска» в записной книжке Даля сопровождено пометой: «отправлено сентября 25. Оренбург». Из этой пометы в публикации «Северной пчелы» воспроизведена только дата. Скорее всего у редакции не было никаких причин считать Оренбург местом отправления статьи.

25 сентября 1833 г. приходилось на понедельник, а почтовым днем в Оренбурге был вторник. ⁶⁶ К тому же, вероятно из-за ненастья, почта смогла уйти только

⁶⁰ Модестов Н. Н. Даль в Оренбурге. С. 32.

⁶¹ Там же. С. 6.

⁶² Русская старина. 1883. № 1. С. 78.

⁶³ См.: Бартенев П. И. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей в 1851—1860 годах. М., 1925. С. 21. — Видимо, этот факт был намеренно опущен в процитированных выше «Материалах...» П. В. Анненкова из-за нежелания дискредитировать официальный ответ здравствовавшего тогда Перовского (В. А. Перовский умер в 1857 г.).

⁶⁴ См.: Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов, 1956. С. 43; Овчинников Р. В. Встреча в Уральске. С. 9; Порудоминский В. И. Даль и Пушкин // Русская речь. 1987. № 6. С. 13.

⁶⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 260; Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Минск, 1986. С. 329; Жизнь Пушкина. М., 1987. Т. 2. С. 533.

⁶⁶ Во вторник из Оренбурга отправлялась экстр-почта, которая курсировала только между городами Симбирском, Казанью, Нижним Новгородом, Владимиром, Москвою и Петербургом (см.: Северная пчела. 1833, 5 июня. № 123. С. 489). Обычная почта также отправлялась в этот день и «прибывала в Уральск в среду в семь часов вечера» (см.: Попов С. А. Дороги сентября. С. 51).

27 сентября.⁶⁷ Но тогда статья Даля не поспевала в номер от 11 октября, ибо должна была оказаться в Петербурге не позднее 8 октября. Ее предстояло подготовить к печати и набрать в типографии до 10 октября, когда номер представлялся для получения цензурного разрешения.

Приведенные выше сведения о скорости передвижения между Петербургом и Оренбургом свидетельствуют о том, что даже экстр-почта не могла идти быстрее двух недель. Например, информация из Оренбурга, датированная 3 октября (вторник), опубликована в «Северной пчеле» от 25 октября.⁶⁸ Кстати, здесь сообщается о скачках, проводившихся в Уральске с 17 по 20 сентября. По нашему мнению, данная информация принадлежит Далю.⁶⁹ А если так, то мы получаем еще одно косвенное подтверждение отсутствия Даля в Оренбурге до конца сентября.

Казалось бы, отправитель «Письма к Гречу» мог воспользоваться оказией и «продвинуть» его поближе к Москве. Но в связи с непогодой оно опять-таки не попадало в Петербург к 8 октября. Следовательно, указание на Оренбург не соответствовало действительности.⁷⁰ Думается, Даль, сопровождавший Пушкина, при расставании с ним 25 сентября передал ему рукопись, которую тот по дороге в Болдино отослал почтой.⁷¹ Таким образом, сама публикация «Письма к Гречу из Уральска» 11 октября в «Северной пчеле» говорит в пользу совместной поездки Пушкина и Даля в Уральск.

Пушкин безусловно учитывает статью Даля в «Истории Пугачева». У Даля читаем: «...по уверению же некоторых стариков, прадеды их были ушедшие от опалы царя Иоанна Грозного стрельцы <...> Спрашивается: высокая, черная шапка уральца <...> есть ли также хивинская, или это подлинно еще остаток стрелецкой одежды?»⁷² У Пушкина: «Некоторые из ученых яицких казаков почитают себя потомками стрельцов. Мнение сие не без основания, как увидим ниже» (IX, 85).

⁶⁷ В посылаемом с нарочным письме от 30 сентября Е. З. Воронина пишет: «Третьего дня я по почте отправила к тебе письмо (подразумевается ее письмо от 27 сентября, — Ю. Ф.), а сегодня опять пишу» (Письма из Оренбурга 1833 года. С. 649).

⁶⁸ См.: Северная пчела. 1833, 25 октября. № 242. С. 965.

⁶⁹ В этом убеждают текстуальные совпадения со статьей Даля «Скачка в Уральске» (см.: Северная пчела. 1834, 9 ноября. № 255. С. 1019; 10 ноября. № 256. С. 1023—1024). Ср. в информации: «Сперва пущены были 23 лошади заводов собственно Уральского войска; из них прискакали...» — в статье: «Сперва пущены были 23 лошади собственно уральских заводов; из них выскакала...» (с. 1024); «Потом скакали 32 лошади киргизские...» — «Вслед за этим, скакали 30 коней стенных, киргизского заводу».

⁷⁰ Такая предосторожность в записной книжке не кажется излишней именно у Даля. В 1823 г. у него на квартире без его ведома был произведен обыск, приведший к обнаружению эпиграммы на адмирала Грейга и его любовницу. В результате Даль был арестован и находился под следствием (см.: Даль В. И. Автобиографическая записка. 1841 // Русская старина. 1878. № 5. С. 182; Лернер Н. Удаление В. И. Даля из Николаева // Русская старина. 1901. № 7. С. 169—170).

⁷¹ Если в имение Языковых поэт приехал 29 сентября, то в Симбирске он мог быть 28 сентября и тогда же воспользоваться местной почтой. Так, письмо, отправленное отсюда 14 сентября, через 7 дней согласно почтовым штемпелям пришло в Петербург (см.: Пушкин А. С. Письма к жене. С. 144). Вероятна отсылка корреспонденции и из имения Языковых, находящегося в одной версте от большого Московского тракта (Там же. С. 142). Следовательно, дата получения письма в Петербурге колеблется между 5 и 8 октября.

⁷² Северная пчела. 1833, 11 октября. № 230. С. 920.

Правда, Пушкин ссылается в основном на «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков» А. И. Левшина, хотя сведения о затерянных царских грамотах, о наеме на службу, о рыбной ловле содержатся и в статье Даля. Через десять лет после выхода книги А. И. Левшина Даль как бы подтвердил верность нарисованной здесь картины. Так, описание зимнего рыболовства, которого он еще не мог наблюдать, явно восходит к левшинскому «обозрению» и одновременно, разумеется, опирается на свидетельства уральцев. На наш взгляд, только после перепроверки Далем этнографических изысканий А. И. Левшина Пушкин решился использовать его «обозрение» в своих примечаниях.

Видимо, еще находясь в Петербурге, Пушкин просил Даля о помощи и сообщал о своем намерении приехать прямо к 60-летию со дня начала пугачевского восстания.⁷³ Кстати, в записной книжке Даля был указан пушкинский адрес — дом П. А. Жадимеровского.⁷⁴ Как известно, Пушкин проживал здесь с 1 декабря 1832 г. до середины июля 1833 г.⁷⁵ Поэтому небезосновательно мнение, утверждающее ходатайство Пушкина перед Перовским о принятии Даля на службу.⁷⁶

В своих воспоминаниях Даль пишет: «Пушкин прибыл неожиданный и нечаянный». Последующее изложение резко контрастирует с этой фразой. Пересказывая содержание своих разговоров с Пушкиным, Даль обнаруживает осведомленность, свидетельствующую о предварительной основательной подготовке. Трудно уложить в одну короткую прогулку и перечисленные темы бесед. Однако современный исследователь замечает: «Семь верст — недолгий путь, а уложилось многое».⁷⁷ Не менее симптоматично и другое заблуждение. Н. В. Измайлов так оценивает переданный Далем анекдот об усевшемся на церковный престол Пугачеве: «Очевидно, и самый рассказ, подчеркивающий невежество и примитивность мышления Пугачева, и пренебрежительный тон Даля по отношению к „Пугачу“ не соответствовали представлениям Пушкина о вожде крестьянского восстания».⁷⁸

В «Записках о Пушкине» Даль рассказывает о том, как, сопровождая государя наследника в 1837 г. в Уральск, услышал от одной старухи, что местные жители «царского племени не видывали от самого от государя Петра Федоровича...». Ниже ее слова поясняются: «То есть — от Пугачева».⁷⁹ Здесь Даль полностью солидаризуется с пушкинскими «Замечаниями о бунте»: «Уральские казаки (особливо старые люди) доньше привязаны к памяти Пугачева. „Грех сказать, говорила мне 80-ти летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал“» (IX, 373). Приводит Пушкин и ответ на его вопрос о Пугачеве казака Пьянова: «Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович» (IX, 373).

Впрочем, сопоставление произведений Пушкина и Даля выходит за рамки настоящей работы. К тому же наша основная задача заключалась в ином —

⁷³ Несомненно, Пушкин хотел избежать совпадения с другой датой: 11—15 сентября 1824 г. в Оренбурге был Александр I, причем на 15 сентября приходился день его коронации (см.: Ю д и н П. Л. Император Александр I в Оренбургском крае в 1824 году // Исторический вестник. 1891. № 9. С. 709—713).

⁷⁴ См.: ГБЛ, ф. 473, карт. 1, ед. хр. 2, л. 2.

⁷⁵ См.: Рукою Пушкина. С. 765—768.

⁷⁶ См.: Ч ванов М. А. «Пришлите справедливого Даля!..» // Даль В. И. Бикей и Мауляна: Повести; Рассказы; Очерк. Челябинск, 1985. С. 370.

⁷⁷ Порудоминский В. И. Даль. С. 150.

⁷⁸ Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. С. 300.

⁷⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 267.

обратить внимание на некоторые обстоятельства, подтверждающие факт совместной поездки Пушкина и Даля в Уральск.

Ю. П. Фесенко

ИЗ ДНЕВНИКА МОСКОВСКОГО ПОЧТ-ДИРЕКТОРА

А. А. Ахматова заметила как-то, что любые записки начала прошлого века приобретают для нас ценность, если в них встречается имя Пушкина. Замечание очень верное, ибо первая треть XIX в. вошла в наше сознание как «пушкинская», а не «александровская» или «николаевская» эпоха. Многие ее современники удивились бы, узнав, что их имена будут извлечены из забвения только потому, что они оказались в той или иной степени связанными с именем великого поэта. Отставной дипломат, московский почтовый директор Александр Яковлевич Булгаков (1781—1863), долгие годы ведший дневник под заглавием «Современные происшествия и воспоминания мои», вряд ли мог предположить, что интерес историков вызовет не подробная придворная хроника, не многочисленные светские слухи и сплетни, заполняющие сотни исписанных неразборчивым почерком страниц, а в первую очередь упоминания — часто до обидного скудные — об известном поэте А. С. Пушкине.

Среди своих знакомых Булгаков слыл «ходячей хроникой» новостей, всезнающим коллекционером пикантных подробностей из жизни обеих столиц. В июле 1832 г. он добился назначения на «доверенное, почетное, покойное и выгодное место», как он сам называл пост московского почтового директора. Теперь для пополнения своей осведомленности Булгаков не гнушался использовать служебное положение: т. е. распечатывал и читал чужие письма, выписывая в особые, заведенные им журналы привлекшие его внимание места. Делал он это не только для удовлетворения собственного любопытства: копии с прочитанных писем подозрительного содержания регулярно отправлялись начальнику III Отделения е. и. в. канцелярии генерал-адъютанту Бенкендорфу.

С Пушкиным Булгаков познакомился в сентябре 1826 г., вскоре после возвращения поэта из михайловской ссылки. Они несколько раз встречались в последующие годы, однако дружбою с Пушкиным Булгаков никогда похвалиться не мог. Их отношения не выходили за рамки обычного светского знакомства. Человек другого поколения (старше Пушкина 18 годами), другого круга общения, Булгаков куда более был близок с отцом поэта Сергеем Львовичем или его дядей В. Л. Пушкиным. Отзывы Булгакова о редких встречах с Пушкиным в письмах к брату, петербургскому почт-директору К. Я. Булгакову, как правило, незначительны и не слишком благожелательны. Ретиво взявшись за исполнение своих новых обязанностей, в число коих входила и секретная перлюстрация переписки, Булгаков перехватил письмо Пушкина к жене от 20—22 апреля 1834 г. и нашел нужным переслать его Бенкендорфу, а последний представил царю. Пушкин записал в своем дневнике по поводу этого возмутительного случая: «Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н(атаалье) Н(иколаевне), и нашел в нем отчет о присяге в(еликого) кн(язя), писанный, видно слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо г(осудар)ю, который сгоряча также его не понял <...> Г(осударю) неугодно